

Александр Грин

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

РАССКАЗЫ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г85

Грин, А.

Г85 Зимняя сказка / А. Грин. — М. : Т8RUGRAM — 150 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-519-63388-8

Александр Грин (1880—1932) — последний русский романтик, поэт, автор философско-психологических произведений, пронизанных необычайным символизмом.

«Зимняя сказка» — сборник восхитительных рассказов писателя, среди которых: «Трагедия плоскогорья Суан», «Жизнь Гнора», «Гостиница Вечерних Огней», «Зимняя сказка» и многие другие. Настоящий мастер сюжетных ребусов, Грин погружает читателя в миры удивительных приключений и экзотических стран, которые надолго запомнятся каждому!

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Трагедия плоскогорья Суан	5
Проходной двор.....	54
Жизнь Гнора	64
Гостиница Вечерних Огней.....	113
Зимняя сказка.....	122
Рассказ о странной судьбе.....	137
Лужа Бородатой Свиньи	142

ТРАГЕДИЯ ПЛОСКОГОРЬЯ СУАН

*Кто из вас приклонил к этому уху,
вникнул и выслушал это для будущего.*

(Исаия, 42, 23)

I

Честь имею представить

В полной темноте комнаты чиркнула спичка. Свет бросился от стены к стене, ударился в мрак ночных окон и разостлал тени под неуклюжей старинной мебелью.

Человек, спавший на диване, но разбуженный теперь среди ночи нетерпеливым толчком вошедшего, сел, оглаживая рукой заспанное лицо. Остаток сна боролся в нем с внезапной тревогой. Через мгновение он, вскочив на ноги, босиком, в нижнем белье, стоял перед посетителем.

Вошедший не снял шляпы; свечка, которую он едва разыскал среди разных инструментов и книг, загромождавших большой стол, плохо освещала его фигуру в просторном, застегнутом на все пуговицы пальто; приподнятый воротник открывал между собой и нахлобученными полями шляпы полоску черных волос; лицо, укутанное снизу до рта темным шарфом, казалось нарисованным углем на пожелтевшей бумаге. Вошедший смотрел вниз, сжимая и разжимая губы; тот, кто проснулся, спросил:

— Все ли благополучно, Хейль?

— Нет, но не вздрагивайте. У меня простужено горло; ухо...

Два человека нагнулись одновременно друг к другу. Они могли бы говорить громко, но укоренившаяся привычка заставляла произносить слова шепотом. Хозяин комнаты время от времени кивал головой; Хейль говорил быстро, не вынимая рук из карманов; по тону его можно было судить, что он настойчиво убеждает.

Шепот, похожий на унылый шелест ночной аллеи, за-тих одновременно с появлением на лице Хейля мрачной улыбки; он глубоко вздохнул, заговорив внятным, но все еще пониженным голосом:

— Он спит?

— Да.

— Разбудите же его, Фирс, только без ужасных гримас. Он человек сообразительный.

— Пройдите сюда, — сказал Фирс, шлепая босыми ногами к двери соседней комнаты. — Тем хуже для него, если он не выспался.

Он захватил свечку и ступил на порог. Свет озарил койку, полосатое одеяло и лежавшего под ним, лицом вниз, человека в вязаной шерстяной фуфайке. Левая рука спящего, оголенная до плеча, была почти сплошь грубо татуирована изображениями якорей, флагов и голых женщин в самых вызывающих положениях. Мерное, отчетливое дыхание уходило в подушку.

— Блюм, — глухо сказал Фирс, подходя к спящему и опуская на его голую руку свою, грязную от кислот. — Блюм, надо встать.

Дыхание изменилось, стихло, но через мгновение снова наполнило тишину спокойным ритмом. Фирс сильно встряхнул руку, она откинулась, машинально почесала небритую шею, и Блюм сел.

Заспанный, щуясь от света, он пристально смотрел на разбудивших его людей, переводя взгляд с одного на другого. Это был человек средних лет, с круглой, коротко остриженной головой и жилистой шеей. Он не был толстяком, но все в нем казалось круглым, он походил на рисунок человека, умеющего чертить только кривые линии. Круглые глаза, высокие, дугообразные брови, круглый и бледный рот, круглые уши и подбородок, полные, как у женщины, руки, покатый изгиб плеч — все это имело отдаленное сходство с филином, лишенным ушных кисточек.

— Блюм, — сказал Хейль, — чтобы не терять времени, я сообщу вам в двух словах: вам надо уехать.

— Зачем? — коротко зевая, спросил Блюм. Голос у него был тонкий и невыразительный, как у глухих. Не дожидаясь ответа, он потянулся к сапогам, лежавшим возле кровати.

— Мы получили сведения, — сказал Фирс, — что с часу на час дом будет оцеплен и обстрелян — в случае сопротивления.

— Я выйду последним, — заявил Хейль после короткого молчания, во время которого Блюм пристально исподлобья смотрел на него, слегка наклонив голову. — Мне нужно отыскать некоторые депеши. У вас каплет стеарин, Фирс.

— Потому ли, — Блюм одевался с быстротой рабочего, разбуженного последним гудком, — потому ли произошло все это, что я был у сквера?

— Да, — сказал Хейль.

— Улица была пуста, Хейль.

— Полноте ребячиться. Улица видит все.

— Я не люблю ложных тревог, — ответил Блюм. — Если бы я вчера, убегая переулками, оглянулся, то, может быть, не поверил бы вам, но я не оглядывался и не знаю, видели меня кто-нибудь.

Хейль хрипло расхохотался.

— Я забыл принести вам газеты. Несколько искаженный, вы все же можете быть узнаны в их описаниях.

Он посмотрел на Фирса. Лицо последнего, принадлежащее к числу тех, которых мы забываем тысячами, вздрагивало от волнения.

— Торопитесь же, — вполголоса крикнул Хейль. Блюм завязывал галстук, — если вы не хотите получить второй, серого цвета и очень твердый.

— Я никогда не тороплюсь, — сказал Блюм, — даже убегая, я делаю это основательно и с полным расчетом. Вчера я убил двух. Осталась сырая, красная грязь. Как мастер — я, по крайней мере, доволен. Позвольте же мне спастись с некоторым комфортом и без усталости, — я заслужил это.

— Вы, — сказал Хейль, — я и он.

— Да, но я не держу вас. Идите — я могу выйти без посторонней помощи.

— До вокзала. — Хейль вынул небольшое письмо. — Вы слезете в городке Суан; там, в двух милях от городской черты, вас убаюкает безопасность. На конверте написан подробный адрес и все нужные указания. Вы любите тишину.

— Давайте это письмо, — сказал Блюм. — А вы?

— Мы увидимся.

— Хорошо. Я надел шляпу.

— Фирс, — Хейль обернулся и увидал вполне одетого Фирса, заряжавшего револьвер, — Фирс, уходите; ваш поезд в другую сторону.

Более он не оборачивался, но слышал, как хлопнула выходная дверь; вздохнул и быстро опустошил ящики письменного стола, сваливая на холодную золу камина вороха писем и тощих брошюр. Прежде, чем поджечь кучу, Хейль подошел к окну, осмотрел темный провал двора; затем сунул догорающую свечку в бумажный арсенал, вспыхнувший бледными языками света, вышел и два раза повернул ключ.

На улице Блюм остановился. Звезды бледнели; вверху, сквозь черную кисею тьмы, виднелись контуры крыши и труб; холодный, сухой воздух колот щеки, умывая заспанные глаза. Блюм посмотрел на своего спутника; унылый рот Фирса внушал Блюму желание растянуть его пальцами до ушей. Он встрепенулся и зашагал быстрее. Фирс сказал:

— Вы едете?

— Да. И вы.

— Да. Возможно, что мы больше не встретимся.

— В лучшем мире, — захохотал Блюм. В смехе его звучал оскорбительный, едва уловимый оттенок. — В лучшем мире.

— Я не думаю умирать, — сухо сказал Фирс.

— Не думаете? Напрасно. Ведь вы умрете. — Он потянул носом холодный воздух и с наслаждением повторил: — Вы умрете и сгниете по всем правилам химии.

Фирс молчал. Блюм повернулся к нему, заглядывая в лицо.

— Я, может быть, уеду в другую сторону, — сказал он тоном благосклонного обещания. — Вы и пироксиллин мне, — как говорят в гостиных, — «не импонируете». Свернем влево.

— Вы шутите, — сердито ответил Фирс, — как фельетонист.

— А вы дуетсяь, как бегемот. Кровавые ребятишки, — громко сказал Блюм, раздражаясь и начиная говорить более, чем хотел, — в вас мало едкости. Вы не настоящая серная кислота. Я кое-что обдумал на этот счет. В вас нет прелести и возвышенности совершенства. Согласитесь, что вы бьете дряблой рукой.

— В таком случае, — объяснитесь, — хмуро сказал Фирс, — нас немного, и мы спаяны общим доверием, колебать это доверие небезопасно.

— Милые шутки, Фирс. Для того, чтобы разрушить подъезд у заслужившего вашу немилость биржевика или убить каплуна в генеральском мундире, вы тратите время, деньги и жизнь. Нежно и добродушно говорю вам: вы — идиоты. Наблюдаю: лопаются красные пузырьки, чинят мостовую, хлопочут стекольщики — и снова пыль и свет, и опоганенное чиханьем солнце, и убивающие злобу цветы, и сладкая каша влюбленных, и вот — опять настроено проклятое фортепиано.

Задышающийся полусшепот Блюма оборвался на последнем слове невольным выкриком. Фирс усмехнулся.

— Я люблю жизнь, — уныло сказал он. — И я поражен, да, Блюм, вы действуете так же, как мы.

— Развлекаюсь. Я мечтаю о тех временах, Фирс, когда мать не осмелится погладить своих детей, а желающий улыбнуться предварительно напишет духовное завещание.